

Г. И. Успенский

Власть земли

Г. И. Успенский. Собрание сочинений в девяти томах. Том 5
Издание осуществляется под общей редакцией В. П. Друзина

Подготовка текста Н. И. Пруцкова

Комментарии Г. М. Фридлендера

М., ГИХЛ, 1956

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Иван Босых
- II. Рассказ Ивана Босых
- III. Расстройство
- IV. Власть земли
- V. Народная интеллигенция
- VI. Земледельческий календарь
- VII. Теперь и прежде
- VIII. Жадность
- IX. Прошлое Ивана Босых
- X. Земельные непорядки
- XI. Школа и строгость
- XII. Заключение

I. ИВАН БОСЫХ

Морозный зимний день в полном блеске. Час одиннадцатый в исходе. В незамерзший кусочек полузаметенного снегом окна вижу я, как на широкий двор, примыкающий к тому деревенскому дому, в котором я живу, вошел крестьянин Иван Петров, по прозвищу "Босых".

Вижу я, как ленивою, почти болезненною поступью подошел он к куче кое-как наваленных в углу двора поленьев, которые Иван взялся расколоть на дрова, как он, вместо того чтобы приняться за работу, принялся обеими руками крепко-накрепко царапать свою голову, держа подмышкою шапку, как потом, нахлобучив эту самую шапку на голову, потолкал кучу поленьев ногой, обутой в рванный валяный сапог, и как, опять-таки вместо того чтобы взяться за топор, стал разминать плечи, стараясь достать кулаком до середины спины... Вижу я все это и знаю, что Иван находится в самом мучительном состоянии, -- знаю, что он болен "со вчерашнего", что он вчера крепко выпил, что если сегодня он и появился около дров, то уже поздний час прихода на работу, когда люди собираются обедать, означает только желание выпросить рубль серебра на опохмелье. И точно, поколотив кулаком поясницу и между лопатками, он полез в карман серого подпоясанного армяка за махоркой и потом, растирая ее на ладони, уныло поплелся в кухню. Здесь, как мне также уж достоверно известно, он долгое время будет курить, а чтобы завести общий разговор, сообщит, что "вчера" у него вытащили в кабаке деньги, и, возбудив этим общее сочувствие, долго будет разговаривать о своем расстройстве, о том, как он жил на "вокзале", о том, как он поправился; сообщит множество сведений о том, как лечить такую-то и такую болезнь, как ловить барсуков, как прививать яблони, и в конце концов, не имея сил долее сопротивляться мучительному недугу похмелья, скажет: "нет, видно, ноне я не человек", -- и пойдет ко мне просить рубль серебра, говоря, что у него внутри жжет и дерет, ест и сосет и что, очувствовавшись, он придет завтра до свету и все переделает с одного маху. И это также давно мне известно: знаю я, что, очнувшись, Иван Петров делается совсем другим человеком и что в такие -- к несчастью, редкие -- минуты нет в деревне такого другого мужика, который был бы так, как Иван, "зол" на работу, то есть так к ней пристрастен и так ею оживлен.

Иван Петров принадлежит к тому ненужному, непонятному, даже прямо постыдному для такой земли, как Россия, классу деревенских людей -- классу, народившемуся в последние двадцать лет, -- который волей-неволей приходится называть "деревенским пролетариатом".